

Глава 1

РАБОТА ВРАТАРЯ

Скарлетт

Едва заслышав гудение пульта, открывающего дверь гаража, я принялась за дело.

Можно было не выглядывать в окно, чтобы проверить, действительно ли уезжают родители. Когда у края вашего газона торчат три телевизионных фургона, вы не станете открывать эту дверь от нечего делать. За последний год журналисты всевозможных новостных компаний тысячи раз фотографировали наш гараж изнутри. Вдруг для новостей пригодится.

Нет, размышлять не время.

К моменту, когда я услышала, как машина родителей выехала на улицу и набирает скорость, я успела распахнуть шкаф. Достала две спортивные сумки, уже упакованные, и коробку с книгами. По очереди перетаскала вещи вниз, в прихожую.

Затем, снова поднявшись, вынула из ящика стола прощальную записку и пристроила ее на середине кровати.

«Мама, папа, я перепутала время заезда. Оказывается, он начинается в три. Так что я уже еду. Позвоню вечером. Люблю вас. Ш.»

В короткой записке было столько полуправды, что даже не смешно. Но здесь, в «Каса Эллисон», все так и делалось. При надобности мы искажали правду. Так было всю мою жизнь, хотя мне и потребовалось семнадцать лет, чтобы понять, как далеко зашел обман.

Последним я отнесла вниз Джордана — так зовут мою гитару. Я никуда бы не поехала без нее.

Потом снова сбегала наверх, в последний раз заскочила в свою комнату. Сантименты тут ни при чем. Хотя комната, конечно, замечательная. Просторная, с красивой кленовой мебелью, — за последний год она стала для меня тюремной камерой.

Последняя задача: затолкать мое хоккейное снаряжение в гардеробную. Коньки, вратарскую клюшку, щитки. Я попрятала все в надежде, что мама не сразу их найдет. Решения, которые я принимала в эти последние недели, уже не раз доводили маму до истерики. Чем дальше я смогу оттянуть скандал из-за того, что бросила хоккей, тем лучше.

Закрыв дверь гардеробной, я подошла к окну и посмотрела между планок жалюзи. На газоне толкались три типа с камерами. Это противозаконно. Нельзя заходить в частные владения. Но копы в нашем городе плевать хотели на правила. Во всяком случае, когда речь шла о нашей семье. Если бы наш дом загорелся, я не уверена даже, что они удосужились бы его потушить.

Журналиги на газоне, наверное, болтали о спорте, или о погоде, или о чем они там говорят, когда нечего снимать. Один из них мусолил в руках колоду карт, вероятно, они сейчас рассядутся посреди газона на своих складных стульях и начнут резаться в покер.

Вот и чудненько.

В последний раз сбежав вниз, я распахнула дверь в гараж. Папин телохранитель, как всегда, закрыл ее перед тем, как уехать. Хоть какой-то толк от этого кошмарного типа. Родители называли его «наш шофер», но это было очередное иносказание. Никто не хотел вспоминать, зачем он нужен на самом деле.

Но человек, которого обвиняют в многократном насилии над детьми, чувствует себя безопаснее, если выходит из дому в сопровождении бывшего военного снайпера.

Как можно быстрее я запихала вещи в машину и постаралась закрыть дверь как можно тише. Села за руль, мысленно пересчитала свои пожитки. Сумочка с новенькими водительскими правами. Сумки с вещами. Джордан.

Но никаких хоккейных причиндалов.

Все правильно.

Я завела мотор и одновременно нажала на пульт, открывающий дверь гаража. Меня учили, что трогаться с места, не разогрев двигатель, — преступление. Но ситуация была безвыходной. Навороченный немецкий двигатель должен на этот раз меня простить, ведь мне необходимо застать их врасплох.

Как только мой спортивный джип смог пролезть в еще поднимающуюся дверь, я рванула по подъездной дорожке. Жаль, что фургоны телевизионщиков заслоняли от меня улицу. Так что пришлось приостановиться и убедиться, что горизонт чист.

Фотографы оторвались от карт, вид у них был нерешительный. Они только что видели папину отъезжающую машину и сфотографировали ее — вдруг он попадет в новости, а у них будет фото.

Но я-то для новостей не пригожусь, особенно в выходной по случаю Дня труда. Тем более когда я одна.

Я торопливо оглянулась — никто не схватился за камеру.

Удалось!

Я осторожно выехала задним ходом — столкновение с телевизионным фургоном не входило в план моего побега — и медленно поехала по родной улице. Позади оставались дома нашего чистенького университетского городка в Нью-Гемпшире, а мое сердце бешено колотилось.

Наконец-то удрала. Целый год я ждала этой минуты. Уехав тайком, я избежала спектакля «Наша образцовая дочь едет в колледж», который мама, проливая слезы, разыграла бы перед телекамерами. Мне надоело быть статисткой в постановочных фотосессиях для ВИП-персон.

К тому же, смывшись потихоньку, я отвертелась от прощания с папой. Даже до скандала наши отношения не были легкими. Мне он всегда казался суровым отцом из прошлого века, у него никогда не было для

меня времени, если только я не стояла на коньках (в этом случае время у него находилось, но он оставался суровым).

Наши отношения и раньше были прохладными, но теперь превратились в антарктический лед. Прежде трудоголик, теперь он проводил все свое время в шезлонге, в кабинете, ставшем его убежищем. Я перестала заходить в эту комнату, где, казалось, воздух сгустился от гнева и молчания. Хотя иногда украдкой поглядывала на него. И пыталась угадать, действительно ли он делал все, в чем его обвиняли. И если да, то почему.

И как я могла так долго жить с ним под одной крышей, ни о чем не догадываясь.

В моей душе роилась куча неприятных вопросов. Но даже если бы я задала их вслух, вряд ли от кого-нибудь в этом семействе стоило ожидать правдивого ответа.

Набрав скорость, я окольными дорогами выехала на шоссе 91. Шеннон Эллисон оставляла в зеркале заднего обзора городок Стерлинг в Нью-Гемпшире. Но через девяносто минут в городке Харкнессе, штат Коннектикут, из машины выйдет Скарлетт Кроули.

«Скарлетт Кроули», — прошептала я про себя. Нужно будет научиться отзываться на новое имя. Наверное, это будет странное ощущение. Но если подумать, и вполовину не так странно, как жить без хоккея.

Я начала играть в пять лет. Четырнадцать лет хоккей был моей жизнью. В одиннадцать я стала врата-

рем и проводила столько времени в воротах, что мне даже снилось, как я парирую броски.

Задача вратаря не только бросаться за шайбой. Необходимо видеть все поле целиком, смотреть, как разворачивается драма, прежде чем шайба полетит к воротам. Я научилась понимать, у кого сейчас шайба, по одному только положению плеч. Я изучала своих соперниц, предугадывая, кто сделает передачу, а кто — бросок. Я смотрела на поле, как шахматист на доску, — просчитывая несколько ходов вперед, готовясь к любым возможным результатам.

Наша школа выиграла три последних первенства штата. Подряд.

В семейной гостиной был выставлен целый ряд трофеев, подтверждающих мои вратарские достоинства.

И еще год назад я считала, что трофеи полностью заслужены.

Но, оказывается, я далеко не такая молодчина, как мне казалось.

Задача вратаря — предвидеть слабости защиты. Но в собственной жизни мне этого не удалось. Когда в нашу жизнь начали просачиваться гнусные истории об отце, это застало меня врасплох. Целиком и полностью. Как мощный удар в грудь, вся эта мерзость больно врезалась в меня, повалила на спину и лишила дыхания.

Теперь с прежней жизнью покончено. У меня был год, чтобы свыкнуться с этой мыслью, так что я давно излечилась от шока и возмущения. Оставался только

«План Б». Не лучший вариант, но единственно возможный.

Два часа спустя я стояла на дорожке, выложенной каменной плиткой, в красивом дворе. Хотя мне было не до восхищения готической архитектурой и идеально подстриженными лужайками: сердце, казалось, сейчас пробьет дырку в груди.

Наверное, сегодня все первокурсники волнуются. Может быть, мои одноклассники боятся заблудиться или робеют перед встречей с соседями по комнате. Но меня-то больше всего пугало совсем другое. Вписала ли регистратура нужное имя в мои документы? А если нет, что мне делать?

Подошла моя очередь, и я, помалкивая и волнуясь, ждала, пока жизнерадостная старшекурсница перелистывала список студентов. Просматривая его, она тихонько повторяла мое новоиспеченное имя: «Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули».

Я почувствовала, что взмокла.

Просмотрев середину списка, где должна была стоять моя фамилия, она заглянула на последнюю страницу. «Изменения и добавления», значилось там.

— А, вот ты где, — просияла она и протянула мне бумажку на получение студенческого билета. — Тебя потеряли, а потом нашли.

Я надеялась, что это именно так.

Получив новенькую гляцевую студенческую карточку-удостоверение, украшенную таким же новеньким именем, я отыскала дорогу в Вандерберг-Холл,